

"Ты не хочешь, чтобы твой брат-предатель победил, это правда?" спросила Серсея. Санса чувствовала, что ее слова что-то всколыхнули в этой женщине, и поняла, что ей не хватает чего-то неосязаемого. "Ты молишься богам, чтобы мой сын убил твоего собственного в битве?"

"Я молюсь о том, чтобы мы все сели в комнате, поговорили, все уладили и договорились о мире между всеми нашими домами", - сказала она, и эта идея была настолько глупой, что даже та наивная девушка, которой она когда-то была, никогда бы в нее не поверила. Но пусть Серсея верит, ведь это то, во что она хочет верить. "Но мой брат Робб... у него в крови огонь. Я боюсь... Я боюсь, на что он способен... Только слова отца могли успокоить его. Так было всегда, когда мы были детьми".

Ложь. Но опять же, очередная ложь, в которую Серсея хотела бы верить, чтобы поддержать свою идею о том, что все северяне - неуправляемые дикари.

"Твой брат - не меньший ребенок, чем мой сын", - пренебрежительно сказала Серсея. "Неужели ты думаешь, что твой будущий муж будет настолько глуп, чтобы провоцировать северные армии, когда на юге Баратеоны наступают нам на пятки благодаря твоему отцу-предателю?"

Она подумала, не захватили ли они еще Цареубийцу, и прокляла себя за то, что так и не свела эти старые временные линии перед возвращением. Но ведь она никогда не ожидала, что ей придется путешествовать в прошлое, не так ли? Как можно подготовиться к такому событию? Поимка Джейме - единственное, что могло бы убедить Серсею сделать что-то решительное, например не позволить Джоффри присутствовать на суде над ее отцом в тот день. Если она проболтается, это может спасти жизнь ее отцу, но, скорее всего, Серсея ей не поверит. И тогда она окажется в еще большей опасности, как пророк в руках врагов. А что, если по какому-то странному стечению обстоятельств она все-таки поверит, а Джейме уже схвачен? Не могла ли она послать ворона к Тайвину Ланнистеру, чтобы предупредить его, и, возможно, добиться гибели собственного брата, если бы Ланнистеры оказались более мудрыми в отношении ситуации в Шепчущем лесу?

"Король слишком справедлив, - ответила она, собравшись с силами и понимая, что времени и шансов у нее мало. "Я боюсь, что справедливость ослепляет его, когда милосердие спасает его королевство".

Серсея вздохнула. "Я поговорю с ним, голубка. Ты не поверишь, как мало значат для него мои слова после смерти отца".

О, я верю в это, подумала она, возвращаясь к Варису, который не проронил ни слова за все время обмена мнениями, более чем можно себе представить сейчас.

"Знаешь что, - сказал он ей, когда они вернулись в свои покои. "Ты сыграла королеву... больше, чем должно быть способно любое дитя Неда Старка".

Да, - мысленно воскликнула она, - я знаю все, или ты не заметил, о мудрый паук?

"Говорят, у Старков в крови есть магия... что мы происходим от волков, что благодаря зверям, деревьям и старым богам мы можем видеть глазами, не открытыми для других".

"Обычные сказки для детей на Севере", - сказал Варис, хотя было видно, что ее слова его раздражают.

"Есть вещи, которые я знаю, хотя и не имею права их знать". Если Бран мог стать Трехглазым Вороном, если он мог мечтать о будущем еще до того, как отправился за Стену, то почему подобное было невозможно для его сестры? По крайней мере, в сознании южанина?

"Вот откуда я знаю о Дейенерис и ее трех драконах. Отсюда я знаю, что Джоффри проигнорирует все, что ему скажут его собственная мать и советники, и убьет моего отца сегодня". Даже произнося эти слова, она чувствовала в них правду, несмотря на все свои жалкие усилия, несмотря на еще более жалкие усилия Серсеи, которые она могла предпринять от его имени. Она подняла глаза на Вариса. "Я знаю, что вы умрете, лорд Варис. Это будет не от старости и не по вашей воле. Если мой отец умрет сегодня, вы тоже умрете, от рук тирана".

Это была угроза, предположение, что, возможно, ему следует тайком вывести ее отца, как он поступил с Тирионом много лет спустя. Что-то в его глазах подсказывало, что он поверил ей, но к тому времени, вероятно, было уже слишком поздно, не так ли? У Паука было несколько дней, возможно, недель, чтобы подготовиться к побегу Тириона Ланнистера. Возможно, у него был день для Неда Старка, когда она вернулась, а теперь этот день сократился до нескольких часов.

Глава 5.

"Как мне умереть?" - спросил он вопреки здравому смыслу. "Почему?"

"Потому что впервые в жизни ты осознал масштабы своих ошибок и решил поступить правильно".

На этот раз она не упала в обморок. Вместо этого она посмотрела в сторону статуи Баэлора, где увидела Арию, и заговорила с ней, как могла, пока та плакала от горя и боли.

Прости меня. Я пыталась.

"Боги жестоки", - кричала она на стены своей клетки. "Почему? Почему? Зачем отправлять меня обратно, если все происходит по-прежнему?"

Но потом она остановилась, ибо кто знал, кто может все еще слушать? Она знала, что произойдет позже, когда Джоффри выведет ее на балкон и покажет голову отца. На этот раз она решила проигнорировать Гончую и сделать это, действительно сделать, оттолкнуть Джоффри и, возможно, забрать себя с ним. Но какой смысл снова умирать? Она задавалась вопросом, не вернет ли это ее в комнату Серсеи, обреченную повторять этот цикл снова и снова, пока богам не надоеет ее мучить.

Поэтому, когда Меррин Трант на этот раз жестоко избил ее, она не закричала, потому что после Рамси его удары едва ли считались болью. Она спасла дураку жизнь, как делала это и раньше, потому что это был достойный поступок. Она знала, что этот дурак понадобится им, чтобы убить Джоффри, но это не имело значения, потому что она не собиралась позволить ему прожить достаточно долго, чтобы увидеть день его собственной свадьбы с Маргери. Варис не обращал на нее внимания, вероятно, потому, что она была права и насчет отца, и насчет драконов, и это пугало его больше, чем он мог признать самому себе. Не то чтобы он был ей нужен теперь, когда ее отец мертв, хотя она знала, что со временем он вернется, ведь человек, жаждущий информации, не может удержаться.